

Барчугова Е. В., Рочегова Н. А. Виртуализация и социологические аспекты трансформации образа жизни человека // Современная архитектура мира. Вып. 25 (2/2025). С. 213–235
Barchugova E. V., Rocheгова N. A. Virtualization and sociological aspects of the transformation of human lifestyle // Contemporary World's Architecture. Vol. 25 (2/2025). Pp. 213–235

Научная статья

УДК

doi: 10.25995/NIITIAG.2025.25.2.010

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Елена Викторовна Барчугова

НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия, ev.barchugova@markhi.ru

Наталья Александровна Рочегова

НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»), Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия, na.rochegovna@markhi.ru

Аннотация. В данном исследовании авторы продолжают тему, начатую в статье «Технологии, общество, архитектура — взгляд сверху»*, где отмечают важность внедрения в практику архитектуры социального компонента. Совокупность виртуальных площадок общения, используемых сайтов и социальных сетей претендует на право быть неотъемлемой частью бытия. Тенденция на все большую виртуализацию жизни сохраняется. В статье рассмотрены социологические аспекты трансформации образа жизни человека на основе анализа изменений понятий публичного и частного. Представлены пути пространственного воплощения социальных конструктов в архитектуре средствами мультимедиа технологий.

Ключевые слова: виртуализация, трансформация среды жизнедеятельности, сферы частного/публичного, мультимедиа в архитектуре

Original article

VIRTUALIZATION AND SOCIOLOGICAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF HUMAN LIFESTYLE

Elena V. Barchugova

Branch of the Federal State Unitary Enterprise “Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation” NIITIAG, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia, ev.barchugova@markhi.ru

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на 2025 год.

* Рочегова Н. А., Барчугова Е. В. Технологии, общество, архитектура — взгляд сверху // Современная архитектура мира. 2024. №2 (23). С. 11–39.

Natalia A. Rohegova

Branch of the Federal State Unitary Enterprise "Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation" NIITIAG, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia, na.rohegova@markhi.ru

Abstract. In this study, the authors continue the theme started in the article "Technology, Society, Architecture — a View from Above", where they note the importance of introducing a social component into architectural practice. The totality of virtual communication platforms, used sites and social networks claim the right to be an integral part of existence. The tendency towards ever greater virtualization of life continues. The article examines the sociological aspects of the transformation of human lifestyle based on the analysis of changes in the concepts of public and private. The ways of spatial embodiment of social constructs in architecture by means of multimedia technologies are presented.

Keywords: virtualization, transformation of the living environment, private/public spheres, multimedia in architecture

ВВЕДЕНИЕ

Продолжающаяся информационно-сетевая революция ощутимым образом изменила нашу жизнь. Использование виртуального, цифрового ресурса становится преобладающим способом общения, пространством реализации культурных предпочтений. Ярко проявляющиеся результаты цивилизационного сдвига требуют многоуровневого осмысления происходящих явлений.

Скорость внедрения в жизнь технологических новшеств явно опережает выработку регламентирующих постановлений, медицинских рекомендаций, правового и трудового законодательства. Оставляя в стороне такие крайне негативные проявления цифровизации жизни, как интернет-зависимость, можно назвать наиболее крупные изменения в образе жизни горожан: ненормированный рабочий день, распространение новых форм и видов занятости населения, внедрение сервисов доставки товаров, изменение предпочтений в выборе формата и места проживания.

Очевидно, что все технические сдвиги и революции направлены на повышение комфортности жизни, расширение спектра удобств. Показателем уровня жизни принято считать степень удовлетворения материальных и духовных потребностей

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обратная сторона информационных революций [Электронный ресурс] // «Дзен» — российская блог-платформа для создания и просмотра контента. URL: https://dzen.ru/a/YwltV_w1hLu6LR3 (дата обращения: 17.09.2025).

людей массой товаров и услуг, используемых в единицу времени. Однако духовные потребности людей и их удовлетворение находятся в иной зависимости от повышения технического и технологического уровней обеспечения общества и практически никак не связаны с вычислением реальных доходов на душу населения и объемов потребления.

Признавая позитивное влияние технического прогресса на рост комфорта жизни людей, увеличение их достижений в научных исследованиях и творчестве, медицине и многом другом, необходимо обратить внимание на негативные аспекты происходящих перемен, так как именно они требуют нивелирования последствий очередного витка технических новаций.

Негативные стороны последствий информационно-технологической революции могут проявляться неявно. Следствием всеобщей компьютеризации стал почти полный отказ от ручного письма, что отразилось на способах мышления. Все больший процент встреч между людьми осуществляется в бесконтактном формате, ограничивая многоплановость и уникальность живого общения.

Распространение глобальной интернет-сети наряду с доступностью к разнообразной информации способствовало распространению определенной лениности ума в том случае, если человек не занят интеллектуальной деятельностью и пользуется сетевыми ресурсами в основном для развлечения и общения. «Норвежская призывная комиссия уже больше полувека тестирует призывников по тесту IQ. Они отмечают следующую динамику результатов. С середины XX века уровень интеллекта устойчиво рос на 5–10 пунктов за десятилетие. Но с конца века эта тенденция замедлилась и перешла в обратную динамику — сейчас мы теряем по 5–10 пунктов за десятилетие»¹. С введением площадок виртуальной реальности, рассчитанных на длительное пребывание в ней человека, значительная часть времени может быть отдана цифровому образу жизни. Молодое поколение в возрасте от 12 до 20 лет находится в опасной зависимости от предлагаемых соблазнов виртуального мира.

Первоначально достижения технологического прогресса используются бизнес-структурами, а также индустрией порока, обмана и воровства. Теневые преступные структуры начинают применять технические новинки (для выработки мошеннических схем) гораздо быстрее, чем государственные органы. Все мы стали свидетелями хакерских атак с использованием мобильных телефонов на граждан любого возраста с целью обмана и грабежа. Преступные структуры остро заинтересованы в извлечении прибыли из нововведений, они быстро осваивают технологические новшества и изобретают выгодные схемы работы с ними, понимая, что время действия изобретенных схем ограничено выработкой соответствующих мер безопасности.

Ричард Сеннет в своей книге «Мастер» сравнивает достижения научно-технической революции с открытием человечеством ящика Пандоры. Автор пишет: «...в культуре, основанной на созданных человеком вещах, постоянно присутствует угроза причинения вреда самому себе»².

Опираясь на труды Х. Арендт³, М. Хайдеггера, Р. Нибура и анализируя ситуацию, складывающуюся в настоящем, Р. Сеннет обращает внимание на то, что технический прогресс и информационно-сетевые технологии мало способствуют решению главных проблем человечества: снижению остроты экологического кризиса, сокращению разрыва между богатыми и бедными, разумной демократизации управления государством. «Мартин Хайдеггер видел в техническом прогрессе проявления одного и того же технологического безумия, которое, если его не сдерживать, приведет весь мир к экологической катастрофе»⁴. Решением проблемы автор считает упреждающий анализ последствий применения того или иного изобретения в общественных и государственных структурах. «Если обществу предоставляется “решать проблему” после того, как работа сделана, это значит, что на людей, как правило, обрушивается уже неотменимый факт. Участие должно начинаться намного раньше, и для этого нужно более полное понимание того процесса, в ходе которого люди создают вещи, более материалистический подход, чем у мыслителей, подобных Арендт»⁵. Основой анализа автора становятся культурный материализм, прагматизм, рациональный и дальновидный взгляд на развитие общества в целом.

Вывод разумен, но трудно осуществим. Начиная примерно с 2008 г. (мировой экономической кризис 2008–2013 гг.) развитие глобализационных процессов в мировой структуре государств ощутило замедлилось, все чаще стали возникать политические противоречия, приводящие к конфликтам, все яснее проявляют себя процессы смены центров активности многополярного мира.

Таким образом, достижения любой научно-технической революции приводят к двояким

ПРИМЕЧАНИЯ

² Сеннет Р. *Мастер*. М.: Strelka Press, 2018. С. 11.

³ Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни* / под ред. Д. М. Носова. СПб., 2000.

⁴ Сеннет Р. *Мастер*. С. 12.

⁵ Там же. С. 16.

результатам, производя как положительные, так и отрицательные изменения в жизни людей. Относительно новой является только нарастающая необходимость анализа и попыток корректировки отрицательных последствий бесконтрольного внедрения технических новаций, несмотря на то, что уровень развития страны во многом определяется именно эффективностью внедрения новых изобретений и технологий. Выявление положительных, отрицательных или специфических сторон влияния расширяющегося использования информационно-сетевых технологий в разных аспектах нашей жизни позволяет уточнить оценку происходящих вокруг нас явлений, характеристики процессов и, в частности, формирования среды обитания.

СФЕРЫ ПРИВАТНОГО/ПУБЛИЧНОГО В XXI В.

Сферы частного/публичного — фундаментальные концепты образа жизни человека, являющиеся базовыми характеристиками многих видов деятельности, основой проектирования разных по типу архитектурных пространств и объектов, определяющей степень их многофункциональности, интерактивности и адаптивности. Смыслы категорий частного и публичного не статичны, а их формы связаны с социокультурными изменениями, происходящими в обществе. Динамика связи конструкций частного и публичного стала основой изучения социальных взаимодействий с начала XX в. Для архитектурной практики необходимо выявление современных специфических черт частности и публичности, адекватного понимания общих процессов, протекающих в социуме с увеличением виртуализации жизни, и формирование системы взглядов как основы проектной деятельности.

Анализ исследований современных социологов и философов позволяет выделить в рассматриваемом вопросе две актуальные тенденции: первая — трансформация публичной сферы отношений вследствие изменения характера общественных контактов и коммуникаций в сетевом обществе; вторая — сокращение зоны частного пространства индивида из-за ошибочных представлений населения о функционировании интернет-площадок и сайтов и диктата государственных или частных структур. Перечисленные тенденции — две стороны одного и того же процесса виртуализации жизни, происходящего на наших глазах.

В работах российских социологов (Е.О. Труфановой, И.А. Вершининой, Е.Г. Лапиной-Кратасюк, О.Н. Запорожец, А.А. Баценоквой, Ю.Д. Андриевской) базовым основанием служат исследования ученых с мировым именем: Г. Зиммеля, Х. Арндт, Ю. Хабермаса, Р. Сеннета. Во взглядах крупнейших социологов мира содержится основополагающий анализ возникновения современного общества, описываются истоки

и причины изменения общих взглядов и установок, исходя из которых сегодня строится жизнь в городских пространствах. За прошедшие десятилетия нового века описываемые изменения продолжали развиваться, усугубляясь технологической экспансией информационно-сетевых средств коммуникаций.

Работы Г. Зиммеля, посвященные становлению процессов индивидуализации (впоследствии легшие в основу развития сфер публичного и приватного), составляют первый этап современных исследований. В XX в. на них опираются следующие поколения ученых, таких как Х. Арендт, Ю. Хабермас, Р. Сеннет. Труды Г. Зиммеля связаны так или иначе с исследованием особенностей жизни в крупных городах, они заложили основу изучения специфики изменений жизненных установок индивида в связи с изменением экономических основ жизни, уровнем благосостояния каждого человека, который смог осознать себя отдельной неповторимой личностью и начал прокладывать свой собственный путь в пространстве жизни. Значимость этих работ определяется общим характером сформулированных закономерностей, применимых к большинству развитых стран мира⁶. В России к подобным выводам приходит И. С. Кон — российский социолог, антрополог, философ. Как полагает ученый, анализирующий становление индивидуальности, ситуация меняется с ростом городов, способствовавшим распаду общинной жизни, — в городе человек становится все более оторван от других людей, и его община теперь ограничивается его узким семейным кругом.

Капиталистические отношения привели общество к социальной дифференциации. Возникшее в XVIII в. представление о свободе и природном равенстве индивидов стало закономерным итогом развития благосостояния общества, его технической и технологической обеспеченности. Г. Зиммель выделяет два вида индивидуализации: количественный и качественный. Первый связан с внешними условиями, с повышением уровня жизни в обществе, с тем, что оно уже может позволить

ПРИМЕЧАНИЯ

⁶ Баценкова А. А. Методологическая значимость работ Г. Зиммеля для понимания современной теории индивидуализации [Электронный ресурс] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, № 3. С. 285. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-284-288> (дата обращения: 17.09.2025).

⁷ Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни* / под ред. Д. М. Носова. СПб., 2000.

⁸ Сеннет Р. *Падение публичного человека*. М.: Логос, 2002.

себе обратить внимание на личность человека как таковую, ее способности и возможности, не связанные с общинными установками и правилами существования. Второй тип основан на внутренних установках единственности каждого человеческого индивидуума. И, что очень важно для понимания современного города XXI в., выявленные виды индивидуализма не являются последним словом в развитии процессов дифференциации, дробления, персонализации в обществе.

На протяжении XX в. каждый тип индивидуализации, сформулированный Г. Зиммелем, получил развитие в трудах социологов: одни авторы продолжали исследовать количественные параметры индивидуализации, другие — качественные, третьи прослеживали связь между ними. К ним относятся и работы З. Баумана, посвященные освобождению индивида от заданности социальных ролей и статусов.

Индивидуализация общества, выявленная Г. Зиммелем, повлияла на смешение сфер публичного и частного. Х. Арндт считала, что привнесение экономических и социальных проблем в публичную сферу трансформирует ее, и она частично утрачивает свою содержательную форму⁷.

Среди исследований социологов — наших современников выделяются работы Р. Сеннета, который в своих трудах по социологии города осуществляет вертикальный анализ общественного развития и связывает историю становления современного общества с историей индивидуализации, на которой основаны особенности развития социальных конструктов публичного и частного. В его работах, так же, как и в исследованиях Г. Зиммеля, прослежено влияние базовых категорий построения общества — способа производства и структуры производственных отношений — на общие представления человека о себе и окружающем его пространстве.

Р. Сеннет акцентирует внимание на цикличности развития рассматриваемых сфер публичного и частного и сравнивает кризис римского общества последних столетий до н. э. и западного общества конца XX — начала XXI в.⁸ В эпохи, предшествующие Новому времени (до XVIII в.), термин публичного трактуется как соотнесение разных точек зрения в достижении какого-либо общего блага без опоры на личные частные устремления человека. Сфере частного в это время уделялось мало внимания, ее не принимали в расчет, и значимость человека оценивалась исключительно по его статусному положению относительно социальной вертикали, вершиной которой была королевская власть. В XVIII в. с образованием светского общества появились новые сферы общения (возникают новые общественные городские места взаимодействия — бульвары, общественные сады, кофейни, постоянные дворы, театры), в которых происходил обмен мнениями и формировались точки зрения

большинства по важнейшим вопросам устройства жизни⁹. Приватное и публичное этого времени разграничены и определены сложившейся социальной структурой общества.

В XIX в. публичная сфера как пространство проявления исключительно общественных интересов исчезает под влиянием индивидуализации. Происходит смена акцентов: установка прежних эпох, когда в публичной сфере человек играет определенную социальную роль, построенную по мерилам общества, т. е. «надевает на себя маску», которую можно снять только в домашней приватной обстановке, стала восприниматься как ущемление свободы человека, как лживая позиция. Установка на личное, напротив, стала считаться правдивым и единственно возможным основанием, на основе которого гражданин может воспринимать устройство мира, как личного, так и общественного. Произшедшая индивидуализация установок привела к тому, что сфера общественного стала базироваться на приватном, на личностных взглядах и целях человека. «...Процесс усиления индивидуализации человека является одновременно процессом становления ценности приватности»¹⁰. В такой ситуации Р. Сеннет констатирует возрастание характеристик отчужденности и разобщенности, свойственные современной общественной сфере. Разделение между приватным и публичным стирается и, «хотя автономная реальность сферы публичного по-прежнему не подвергалась сомнению, управление ею не полагалось более социальным актом»¹¹.

«Р. Сеннет считает, что безразличие старого капитализма, основанного на классах, было материальным; безразличие же нового, гибкого капитализма более личностно и менее материально по форме»¹². В итоге человек получает не только свободу развития личностных качеств, но оказывается один на один со своими жизненными проблемами — общество «отстывает» от индивида и позволяет ему самому решать вопросы становления и благополучия, обостряя тем самым конкурентную борьбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁹ Вершинина И. А. Социология города Ричарда Сеннета: трансформация публичной сферы // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. №4. С. 157.

¹⁰ Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ [Электронный ресурс] // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. № 1. С. 156.. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/cifrovoye-prostranstvo-privatnoe-publichnoe/04.12.2021>.

¹¹ Береговских А. Н. Живая основа пространственного развития города [Электронный ресурс] / Институт территориального планирования «Град», 2022. URL: <https://itpgrad.ru/education/articles/zhivaya-osnova-prostranstvennogo-razvitiya-goroda/> (дата обращения: 17.09.2025).

¹² Там же.

¹³ Бауман З. Текущая современность /перевод с англ. С. А. Комарова. Москва [и др.]: Питер, 2008. 238 с.

¹⁴ Баценкова А. А. Трансформация публичной сферы как отражение процесса индивидуализации // Вестник Моск. университета. Сер. 18 Социология и политология. 2019. Т. 25, № 1. С. 138.

Отношения между людьми, включая семейные связи и обязательства, становятся хрупкими, так как индивид оказывается перегружен ответственностью¹³.

С внедрением в нашу жизнь информационно-сетевых технологий и интернет-коммуникаций расширяется независимость человека от регламентирующих его действия организационных структур. В XXI в. процессы индивидуализации продолжают рассматриваться как основа трансформаций, происходящих в публичной сфере общества и связанных с превалированием личных интересов в решении общественных задач. «Если изначально публичное пространство формировалось под влиянием средств массовой информации, политико-правовых и государственных систем, то в конце XX в. публичная сфера становится пространством выражения индивидуальной свободы и независимости через интернет-сообщества, блогосферу, видео-порталы и социальные сети»¹⁴. В XXI в. с возрастанием индивидуализации жизни тенденция на взаимопроникновение публичного и приватного усугубилась. Изменились даже внешние характеристики публичности: общественный деятель, никогда не касающийся в своих выступлениях или общественных коммуникациях фактов личной жизни, воспринимается как закрытая личность, не вызывающая доверия и симпатий масс.

Традиционные каналы информации, СМИ, значительно утрачивают свое значение. Размываются основы для создания консолидированного мнения, сформированного в живых реальных дискуссиях. Общественное мнение формируется на различных интернет-площадках, сайтах и становится групповым. Отличительным признаком группового дробления общества является изолированность интересов и образов жизни отдельных сообществ. Установив собственные нормы общения, определив ценности и круг предпочтений, они не интересуются жизнью «соседей». Появляются государственные и частные системы контроля и слежения. Информация о пользователях собирается в сети Интернет с различными целями: оценивается географическое положение респондента, цель запроса, те личные данные, которые удастся идентифицировать. Собранные данные продаются различным компаниям с целью выстраивания аналитики и организации общей или персональной рекламы.

Другая тенденция XXI в. — сужение сферы приватного под действием виртуализации жизни и расширения интернет-коммуникаций. Несмотря на то, что изменения в образе жизни, связанные с личными сторонами существования человека, ощутимо влияют на динамически изменяющиеся характеристики поведения людей, в анализируемых трудах ученых не так много работ, посвященных изучению категории приватности.

Сегодня приватность предстает перед нами как достаточно широкое понятие, включающее в себя личные переживания, эмоции и даже

материальные объекты. Например, объекты частной собственности, которыми индивид владеет и может передать другому лицу. При углублении в вопрос перед нами оказывается характеристика интимности личной жизни человека, понимаемая как совокупность его личных чувств, эмоций и закрытой информации. Интимность, как отмечают специалисты¹⁵, далеко не всегда связана с вопросами сексуальности и является более точной характеристикой той личной информации, которую люди хранят и которой могут поделиться только с близкими людьми. В отличие от приватности интимность не может быть отделена от человека и передана другому лицу. Человеку свойственно «накладывать печать приватности»¹⁶ на то, что относится к интимной сфере.

И здесь мы сталкиваемся с противоречивыми свойствами человеческой природы. В настоящем — с активным внедрением информационно-сетевых технологий в повседневную жизнь — человек не может отказаться от использования интернета и сетевых коммуникаций. Мобильные телефоны, электронная почта, мессенджеры стали обязательными составляющими, которые используются для осуществления контактов в личных и рабочих целях, организации взаимодействия с государственными органами, частными предприятиями и обслуживающими структурами.

Человек начинает употреблять виртуальные средства коммуникаций в режиме, похожем на реальное общение с избранными людьми. Проявляется тяга к «самораскрытию», которую Г. Зиммель выделял как отдельную характеристику в человеческих взаимоотношениях¹⁷. Большой вклад в тему внес Сидни М. Джурард — канадский психолог, создавший «Теорию самораскрытия» в гуманистической терапии. Сегодня категория самораскрытия развивается в рамках отдельной предметной области социальной психологии.

В актуальной практике общения именно потребностью самораскрытия можно объяснить неистребимую тягу к желанию поделиться сокровенной

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁵ Андриевская Ю. Д. Интимность как свойство социокультурного феномена приватности // Социологический альманах. 2014. №5. С. 287–296.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной, социологии // Георг Зиммель. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2: Созерцание жизни.

¹⁸ Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ. С. 157.

информацией с кем-то близким, выложить на свой сайт или страницу в социальных сетях часть своего «теневого» интимного мира. Описанная тенденция вызывает единодушную оценку специалистов — рядовой гражданин, человек, не связанный с работой в пространстве коммуникаций, не может до конца оценить специфику работы сети. Пользователь не отдает себе полного отчета в том, что в той или иной степени он обязательно столкнется с распространением и обсуждением выложенной информации и окажется не защищенным от порицаний или неверного восприятия своих личных переживаний или фактов жизни.

Таким образом, «внешние проявления» понятия приватности суживаются сегодня по инициативе самих пользователей интернет-сетей. Вынесение части приватной информации в публичную зону специалисты называют процессом «деинтимизации» (термин Ю. Д. Андриевской). Процент перехода части приватного в публичную зону может колебаться, так же как и степень открытости пользователей. Поэтому граница между приватным и публичным подвижна и в какой-то степени проницаема.

Вторым спектром действий, которые сокращают зону приватного, являются изменения типов контактов в сети Интернет. При общественных взаимодействиях одной стороной коммуникации всегда состоит частное лицо, другой — сообщество пользователей, государственные или частные организации. Если еще пять лет назад анонимность авторов сообщений рассматривалась как обычное явление и обсуждалась в качестве специфической черты виртуальных коммуникаций, позволяющей пользователям реализовывать те стороны своей натуры, которые остаются невостребованными в жизни, то сегодня, столкнувшись с разнообразными проявлениями обмана и мошенничества, сообщества, а тем более государственные и негосударственные структуры, требуют персональных подтвержденных данных индивидуума для возложения на него ответственности за предпринимаемые действия. «Интернет становится посредником в большом количестве социально значимых активностей — торговле, осуществлении бюрократических процедур, ведении переговоров — степень анонимизации пользователей снижается, на смену маскам все чаще приходят реальные люди»¹⁸.

В настоящем человек не может попасть на прием в какое-либо медицинское учреждение, провести операцию в банке, сделать более или менее крупную покупку, заказать услугу без идентификации своих личных данных. Отрицательной стороной легализации пользователей является тот факт (уже много раз продемонстрированный нам действительно), что любые системы сбора данных порой дают сбой, и многочисленные индивидуальные данные оказываются в публичном доступе.

Сокращение зоны приватности — это сочетание добровольности пользователей в их желании самораскрытия и принудительности, когда

сетевые технологии используются государственными и частными структурами для оптимизации деятельности без учета желаний человека. Сегодня сетевые сервисы, элементы «умного города» действуют чаще всего в интересах властей, которые с помощью больших данных определяют те или иные тенденции развития городов. Как противоположное, демократическое начало может оцениваться действующая система рейтингов или отзывов, которые касаются деятельности или действий того или иного предприятия или частного лица. С одной стороны, это элементы «горизонтального города», основанного на доверии людей друг к другу, понимании, откровенности и бескорыстности приводимых высказываний, с другой — польза и продвижение предприятий, начинаний, деятельности отдельных личностей в публичной сфере¹⁹. Закономерным выводом из актуальной ситуации является осознание любым гражданином или сообществом необходимости занятия активной позиции сопротивления по навязыванию ему многочисленных цифровых сервисов, выборочное и осторожное отношение к их использованию.

К приватному пространству относятся и личные интернет-коммуникации. Безграничность возможностей связи сочетается со многими отрицательными тенденциями, влияющими, в частности, на реальную устную речь, на процессы осмысления и структурирования информации. В устных виртуальных коммуникациях часто присутствует сленг, письменные послания пишутся с сильным сокращением слов. Часть информации выражается символами и значками (смайликами). Специалисты отмечают, что в условиях дефицита времени орфография и пунктуация в интернет-сообщениях отсутствует, слова намеренно или случайно коверкаются. Теперь пользователи не ориентируются на единые языковые нормы, поскольку появляется множество отдельных частных речевых стандартов, которые устанавливаются в различных интернет-сообществах самими участниками либо организаторами²⁰. Учитывая, что язык — носитель культуры,

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁹ Сети города: Люди. Технологии. Власти / под ред. Е. Г. Лапиной-Кратасюк, О. Н. Запорожец, А. Г. Возьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

²⁰ Дубина Л. В. Тенденции развития русского языка в условиях Интернет-коммуникации // Вестник ТГПУ. 2013. № 2 (130). С. 177–181.

его потеря, искажение и загрязнение ведут к исчезновению национальной идентичности. Очевидно, что формирование когнитивных способностей особенно в молодом и подростковом возрасте подвергается большому риску.

Анализ работ российских и зарубежных социологов позволяет констатировать следующие особенности функционирования сфер частного и публичного в первой четверти XXI в.:

— в сетевом обществе на основе активных виртуальных взаимодействий расширяются процессы индивидуализации социума;

— каждая из рассматриваемых сфер частного и публичного основывается как на реальных, так и на виртуальных действиях и контактах. Активно проявляется свойство двойственности взаимодействий;

— публичная сфера формируется на основе личных взглядов и частных предпочтений действующих в ней индивидов. В этом проявляется *внутренняя взаимосвязь* конструкторов частного и публичного. Публичность складывается под воздействием взглядов и ценностей, выработанных в отдельных группах и сообществах, и характеризуется дробностью и разнообразием;

— сфера публичного функционирует на двух уровнях: виртуальном и реальном. Сайты, блоги, виртуальные площадки становятся частью публичной сферы. Это порождает множественность вариантов отношений между индивидом и пространством города;

— формирование общественного мнения становится более независимым от официально распространяемых точек зрения и формализованных коммуникаций;

— публичная сфера подразумевает активное участие человека как в реальных, так и в виртуальных площадках общения, где вырабатывается общественное мнение. Причем предпочтение отдается виртуальным взаимодействиям, так как человек воспринимает виртуальные взаимоотношения как более свободные;

— причинами сокращения «внешних границ» частной сферы служат добровольное самораскрытие части личной интимной информации пользователями в сетевых коммуникациях, а также принудительная идентификация респондентов государственными и частными структурами для оптимизации деятельности без учета желаний человека.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И МУЛЬТИМЕДИА

Выявленные тенденции функционирования сфер публичного и частного имеют прямое отношение к пространственному воплощению социальных конструкторов в архитектуре. Исследования, посвященные развитию современной архитектуры, все чаще обращаются

к рассмотрению фундаментальных движущих сил организации жизни общества: политико-экономических и социальных, подверженных постоянной трансформации под влиянием цивилизационного развития, смены парадигм. Чаще всего затрагиваются вопросы взаимодействия технологических устройств и архитектурной среды, ускоряющегося внедрения в городскую среду объектов информационно-сетевых мультимедийных устройств, анализа их функций и влияния на психику человека, на его внутренний комфорт.

Сегодня технологические составляющие повсеместно интегрированы со средой обитания. Дома, транспортные коммуникации, промышленные предприятия насыщены устройствами, которые собирают, анализируют, передают информацию и управляют режимами работы городских объектов. Наиболее заметным присутствием мультимедийных компонентов становится на открытых пространствах города и в закрытых общественных объектах, где социальная активность жителей проявляется ярче всего, где соединяются социальные, культурно-исторические и природные компоненты²¹. Пространственно-функциональные связи между ними также становятся частью единого культурного ландшафта, названного А.Л. Гельфонд «Ареалом». Автор доказывает, что открытые «пустые» общественные пространства и размещенные в них объекты связывают сложные взаимно обуславливающие отношения. «В этой модели и ОП, и ОЗ²² — нечто целое и материальное: в промежуточной зоне нет разделения на внешнее и внутреннее, граница здания остается в виде ограждающих конструкций, но внешнее и внутреннее ОП не различимы: ОП становится равным ОЗ и наоборот»²³. Присутствие мультимедийных устройств усиливает тенденции к объединению и связанности общественного пространства открытых площадок и закрытых общественных объектов.

Целостная и активная городская общественная среда всегда находится в развитии, происходят подвижки и трансформации: одни виды

ПРИМЕЧАНИЯ

²¹ Гельфонд А. Л. Архитектура общественных пространств : монография / А. Л. Гельфонд. М.: Инфра-М, 2024.

²² ОП — открытое пространство; ОЗ — общественное здание. Аббревиатуры А. Л. Гельфонд в книге «Архитектура общественных пространств».

²³ Там же. С. 10.

²⁴ Зукин Ш. Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств / Ш. Зукин ; [пер. с англ. А. Лазарева, Н. Эдельмана]. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.

²⁵ Город, потерявший душу : предисловие к статье Ш. Зукин «Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств» [Электронный ресурс] // Экономическая социология. 2018. Т. 19, № 1. URL: https://www.iep.ru/files/IIG/zukin_ecsoc_t19_n1.pdf. С. 63.

²⁶ Там же. С. 65.

²⁷ Там же. С. 81.

деятельности приходят, другие уходят. Проявляются недельные, сезонные или более фундаментальные временные и поколенческие колебания типов деятельной активности, спроса и интереса. Ш. Зукин²⁴ в своей книге «Обнаженный город» разбирает современное понятие аутентичности, которое, по ее мнению, претерпело постепенные трансформации: «Концепция перешла со свойства людей на свойство вещей, а совсем недавно — на свойство жизненного опыта»²⁵. Изначально аутентичность — «это не театральная декорация исторических зданий, как в Сохо, и не игра ярких огней, как на Таймс-сквер; это непрерывный процесс жизни и работы, постепенное выстраивание будничного опыта, ожидание того, что соседи и здания, которые есть здесь сейчас, останутся тут и завтра»²⁶. Это осуществление права на город, которое анализировал и пропагандировал в своих работах А. Лефевр. Аутентичность можно рассматривать как важное качество, входящее в национальное сознание и определяющее специфические, отличительные черты нации. Однако, возведенная в абсолют, она теряет мирное значение и превращается в диктат и средство вытеснения.

Характеристики аутентичности являются гарантом оседлого образа жизни, они помечены реперными точками привычного, освоенного, базового и корневого пространства жизни, которое одним своим видом позволяет человеку чувствовать себя «дома», среди привычных объектов, пространств и вещей. Игнорирование таких пространств приводит к потере памяти поколений и воспитанию людей, не имеющих корней, равнодушных к окружающей их среде.

Однако жизнь не стоит на месте, и следующие за ней преобразования городской среды повсеместны и неостановимы. Ш. Зукин показывает, как районы и места города, обладающие особым своеобразием и идентичностью, становятся объектами повышенного интереса девелоперов и бизнесменов. Крупные предприятия постепенно вытесняют мелкие, дешевое жилье скупается и преобразуется в элитные апартаменты. Коренные жители, носители того особого образа жизни, вкусов и предпочтений (которые становятся брендами территорий), чаще всего либо переезжают жить в другое место, либо начинают обслуживать изменившийся образ жизни, который принесли с собой новые горожане. «Итак, форма коммерческой культуры конструирует форму аутентичности, которая подкрепляет претензии новых групп на право жить и работать в этом пространстве. Потребительские вкусы, поддержанные другими ресурсами, становятся формой власти»²⁷.

Роль сетевых технологий в этом случае состоит в ускорении процессов изменений аутентичности районов и кварталов города. Интенсивность взаимодействий, широкий охват любых данных о специфике функционирования или запустении отдельных территорий позволяют

скорейшим образом осуществить анализ и выявить самые предпочтительные с точки зрения бизнеса стратегии преобразования городского пространства в первой четверти XXI в. Таким образом, проектировщик вынужден сочетать исконные «коренные» показатели аутентичности с формирующимися, продвигаемыми стратегиями преобразования территорий.

Меняются не только виды деятельности и функциональное наполнение зданий и сооружений, меняется скорость протекания жизненных процессов, в которой ключевую роль играют мультимедийные технологии. Характеристика скорости становится важным показателем современного образа жизни. Кандидат философских наук А. М. Сидоров, анализируя работы Поля Вирильо, подчеркивает выделенную в исследованиях ученого категорию скорости как основную характеристику современного мира, основанную не только на быстрой передвижений в пространстве, но прежде всего на отношении между феноменами. «Увеличивающиеся скорости перемещения и коммуникации, развиваемые современными технологиями, ведут к потере непосредственного присутствия и к ослаблению опыта воплощенности... Способность пересекать мир на высокой скорости, будь то скоростной транспорт или телекоммуникации, приводит к мироотрицанию»²⁸. П. Вирильо классифицирует скоростные коммуникации и перемещения как потерю устойчивости присутствия вещей и утрату человеком части чувственной реальности. Исследователь утверждает, что скоростные современные технологии уменьшают богатство наших впечатлений и эмоций от соприкосновения с реальностью. Непосредственный опыт человека увеличивается информативно, но подавляющий процент информации поступает к нему через информационные каналы, а не непосредственно, путем исследования реального мира²⁹. П. Вирильо создал учение о дромосфере — области философского знания, основой которой является понимание скорости как репрезентации работы

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁸ Сидоров А. М. *Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство* // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 3. С. 139.

²⁹ Там же.

³⁰ Дрю Б. Введение в серую экологию Вирильо [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Экопозис: экогуманитарные теории и практика». 2022. Т. 3, № 1. С. 21. URL: https://ecopoiesis.ru/aktualnoe/news_post/idejnoe-nasledie-polya-virilo (дата обращения: 10.08.2025).

³¹ Кисин А. А. Трансформация городских общественных пространств под влиянием мультимедийных технологий // Современная архитектура мира. 2024. № 2 (23). С. 127–142.

социально-политической машины, обладающей разрушительной силой. Изучая базисные положения новой технологической эпохи, ученый приходит к выводу, что дромосфера уничтожает биосферу. «Беспокойство Вирильо по поводу “сумерек места”, временного сокращения и ощущения ограниченности жизненной среды в значительной степени было связано с заменой непосредственной реальности той реальностью, которая связана с Интернетом и СМИ... Очевиден недостаток глубины восприятия, времени и расстояния, необходимых для духовного и психологического роста»³⁰.

Тем не менее никто не предполагает, что может произойти отказ от уже получивших повсеместное распространение информационно-сетевых ресурсов и устройств. Но необходимы мероприятия, составляющие альтернативу технократизации, направленные на гуманизацию среды обитания:

- использование разных скоростей проживания (скорости мгновенного преодоления пространства в интернете и значительно более медленной скорости познания физического окружающего мира);

- реализация специальных практик для взаимодействия человека с живой природой и мирозданием;

- соблюдение баланса между «укорененными» характеристиками среды и вновь привнесенными ее преобразованиями;

- организация мест, объектов, пространств релакса, остановки и отключения от непрерывного потока коммуникаций, заставляющих человека постоянно находится в состоянии готовности восприятия информации и ответной реакции, отторгающих его от соприкосновения с реальным окружением.

Повсеместное распространение виртуальных сетевых устройств в городских пространствах позволяет констатировать образование нового слоя пространственного каркаса города — мультимедийного. Медиакаркас можно рассматривать как совокупную систему мультимедийных установок, информационных и рекламных конструкций, виртуальных систем, которые формируют структуру информационного пространства города и являются основой для планирования внедрения и реализации медиастратегий в городской среде³¹.

Базовой характеристикой мультимедийных установок, сервисов, интерактивных устройств служит дополнительность при включении их в архитектурную или природную составляющие городского пространства. С помощью мультимедийных установок формируются образные компоненты архитектурных объектов и пространств, собирается и анализируется информация о запросах пользователей, корректируется работа всех систем города, к работе реальных площадок и объектов добавляется функционирование их виртуальных аналогов.

Развитие мультимедиакаркаса происходит быстрыми темпами: практически каждый год его устройства совершенствуются, увеличивая скорость взаимодействий, степень интерактивности, используются VR, AR и другие виды технологий. Параллельное повышенное внимание к организации озелененных территорий, составляющих отдельную городскую структурообразующую систему природных включений (зеленых образований и соединяющих их линейных объектов), позволяет сказать, что интегральный пространственный каркас городских территорий состоит из объединения трех компонентов: архитектуры общественных пространств и объектов, а также присоединенных к нему природных включений и системы мультимедийных технологических устройств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Виртуализация жизни привела к трансформации образа жизни человека, изменению содержания и взаимозависимости социологических категорий частного и публичного. Расширяются процессы индивидуализации социума. Сфера публичного складывается под воздействием взглядов и ценностей, выработанных в отдельных группах, сообществах, и характеризуется дробностью и разнообразием. Зоны публичных взаимодействий предполагают активное участие человека как в реальных, так и в виртуальных площадках общения, где вырабатывается общественное мнение. Доступность информации в социальных сетях, а также принудительная идентификация респондентов государственными и частными структурами привели к сужению сферы частного. Социальные конструкты частного и публичного реализуются в организации среды жизнедеятельности.

Присоединение мультимедийных установок к активным общественным пространствам и объектам города послужило причиной образования нового слоя пространственного городского каркаса — медиакаркаса, который обладает свойствами выравнивания и равнодоступности взаимодействий во всех точках городского пространства, способствует усилению адаптивных свойств реальных общественных объектов, ускоряет процессы смены аутентичности городских пространств, повышает взаимосвязь отдельных объектов среды. Параллельно возрастает роль дома как индивидуальной капсулы, в которой человек проводит гораздо больше времени, чем раньше, получив возможность работать и общаться удаленно.

Современные информационно-сетевые технологии изменили скорость протекания многих процессов в обычной жизни человека, сокращая время непосредственного общения человека с природной и рукотворной средой. Возникла необходимость соблюдения баланса

пребывания человека в виртуальной и реальной среде на основе законодательных актов, постановлений, пропаганды традиционных приемов жизнедеятельности, организации специальных практик отключения от сети.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андриевская Ю.Д. Интимность как свойство социокультурного феномена приватности // Социологический альманах. 2014. №5. С. 287–296.
2. Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни / под ред. Д. М. Носова. СПб., 2000.
3. Бауман З. *Текущая современность* / перевод с англ. С. А. Комарова. Москва [и др.]: Питер, 2008. 238 с.
4. Баченкова А. А. Методологическая значимость работ Г. Зиммеля для понимания современной теории индивидуализации // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, №3. С. 284–288. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-284-288>. (дата обращения: 17.09.2025).
5. Баченкова А. А. Трансформация публичной сферы как отражение процесса индивидуализации // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 1. С. 130–144.
6. Береговских А. Н. Живая основа пространственного развития города [Электронный ресурс] / Институт территориального планирования «Град», 2022. Режим доступа: <https://itpgrad.ru/education/articles/zhivaya-osnova-prostranstvennogo-razvitiya-goroda/> (дата обращения: 17.09.2025).
7. Вершинина И. А. Социология города Ричарда Сеннета: трансформация публичной сферы // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. №4. С. 154–161.
8. Гельфонд А. Л. *Архитектура общественных пространств: монография* / А. Л. Гельфонд. Москва: Инфра-М, 2024. 412 с. (Научная мысль).
9. Город, потерявший душу: предисловие к статье Ш. Зукин «Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств» [Электронный ресурс] // Экономическая социология. 2018. Т. 19, № 1. Режим доступа: https://www.iep.ru/files/IIG/zukin_ecsoc_t19_n1.pdf (дата обращения: 17.09.2025).
10. Дрю Б. Введение в серую экологию Вирильо [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Экопозис: эгоуманитарные теория и практика». 2022. Т. 3, №1. Режим доступа: https://ecopoiesis.ru/aktualnoe/news_post/idejnoe-nasledie-polya-virilo (дата обращения: 10.08.2025).
11. Дубина Л. В. Тенденции развития русского языка в условиях Интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. №2 (130). С. 177–181.
12. Зиммель Г. *Общение. Пример чистой, или формальной, социологии* // Георг Зиммель. *Избранное*. Москва: Юристъ, 1996. Т. 2: Созерцание жизни. С. 486–500.

13. Зукин Ш. Обнаженный город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств / Ш. Зукин ; [пер. с англ. А. Лазарева, Н. Эдельмана]. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.
14. Кисин А. А. Трансформация городских общественных пространств под влиянием мультимедийных технологий // Современная архитектура мира. 2024. №2 (23). С. 127–142.
15. Обратная сторона информационных революций [Электронный ресурс] // «Дзен» — российская блог-платформа для создания и просмотра контента. Режим доступа: https://dzen.ru/a/YwltkV_w1hLu6LR3 (дата обращения: 17.09.2025).
16. Рочегова Н. А., Барчугова Е. В. Технологии, общество, архитектура — взгляд сверху // Современная архитектура мира. 2024. №2 (23). С. 11–39.
17. Сеннет Р. Мастер. Москва: Strelka Press, 2018. 152 с.
18. Сеннет Р. Падение публичного человека. Москва: Логос, 2002. 424 с.
19. Сети города: Люди. Технологии. Власти / под ред. Е. Г. Лапиной-Кратасюк, О. Н. Запорожец, А. Г. Возьянова. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 576 с.: ил. (Серия STUDIA URBANICA).
20. Сидоров А. М. Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, №3. С. 137–144.
21. Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ [Электронный ресурс] // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. №1. Режим доступа: <https://cyberpsy.ru/articles/cifrovое-prostranstvo-privatnoe-publichnoe/04.12.2021> (дата обращения: 18.09.2025).

REFERENCES

1. Andrievskaya Yu. D. Intimacy as a property of the socio-cultural phenomenon of privacy (Intimnost' kak svoystvo sotsiokul'turnogo fenomena privatnosti // Sociological almanac (Sotsiologicheskiiy al'manakh) 2014. No. 5. Pp. 287–296 [in Russian].
2. Arendt H. *Vita activa, or about the active life (Vita activa, ili o deyatel'noy zhizni)* / Ed. D. M. Nosov. St. Petersburg, 2000 [in Russian].
3. Bauman Z. *Liquid Modernity (Tekuchaya sovremennost')* // translated from English by S. A. Komarov. Moscow [at all.]: Piter, 2008. [Electronic resource] URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/kulturologiya/423020-zigmunt-bauman-tekuchaya-sovremennost.html> [in Russian] (accessed 17.09.2025).
4. Batsenkova A. A. Methodological significance of G. Simmel's works for understanding the modern theory of individualization (Metodologicheskaya znachimost' rabot G. Zimmelya dlya ponimaniya sovremennoy teorii individualizatsii // News of Saratov University (Izvestia Saratovskogo universiteta) New series. Series: Sociology. Political Science. 2019. Vol. 19, Issue 3. Pp. 284–288 [in Russian].
5. Batsenkova A. A. Transformation of the public sphere as a reflection of the process of individualization (Transformatsiya publichnoy sfery kak otrazheniye protsessa individualizatsii // Bulletin of Moscow University (Vestnik Moskovskogo

- Universiteta*), ser. 18. Sociology and political science. 2019. Vol. 25, No. 1. Pp. 130–144 [in Russian].
6. Beregovskikh A. *The Living Basis of Spatial Development of the City (Zhivaya osnova prostranstvennogo razvitiya goroda)*. 2022 [in Russian]. [Electronic resource] URL: <https://itpgrad.ru/education/articles/zhivaya-osnova-prostranstvennogo-razvitiya-goroda/> (accessed 17.09.2025).
 7. Vershinina I. A. Sociology of the city by Richard Sennett: transformation of the public sphere // *Bulletin of Moscow University (Sotsiologiya goroda Richarda Senneta: transformatsiya publichnoy sfery)* // *Bulletin of Moscow University (Vestnik Moskovskogo Universiteta)*, ser. 18. Sociology and political science. 2012. No. 4. Pp. 154–161 [in Russian].
 8. Gelfond A. L. *Architecture of public spaces (Arkhitektura obshchestvennykh prostranstv)*. Moscow: Infra-M, 2023 [in Russian].
 9. The City That Lost Its Soul. Preface (Gorod, poteryavshiy dushu. Predisloviye) // *Economic Sociology (Ekonomicheskaya sotsiologiya)* Vol. 19. No. 1. January 2018. [in Russian]. URL: https://www.iep.ru/files/IIG/zukin_ecsoc_t19_n1.pdf (accessed 17.09.2025).
 10. Drew B. Introduction to the gray ecology of Virillo (Vvedeniye v seruyu ekologiyu Viril'o) // *Ecopoesis: Ecohumanitarian Theory and Practice online magazine (Internet-zhurnal «Ekopoezis: ekogumanitarnyye teoriya i praktika»)*. 2022. Vol. 3, No. 1. Pp. 21. [Electronic resource]. URL: https://ecopoesis.ru/aktualnoe/news_post/idejnoe-nasledie-polya-virilo (accessed 10/08/2025) [in Russian].
 11. Dubina L. V. Trends in the development of the Russian language in the context of Internet communication (Tendentsii razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh Internet-kommunikatsii) // *TSPU Bulletin (Vestnik TGPU)*. 2013. No. 2 (130). Pp. 177–181 [in Russian].
 12. Simmel G. *Communication. An example of pure, or formal, sociology (Obshcheniye. Primer chistoy, ili formal'noy, sotsiologii)* // Georg Simmel. Selected. Moscow: Jurist, 1996. Vol. 2: Contemplation of life (Razmyshleniye o zhizni). Pp. 486–500 [in Russian].
 13. Zukin Sh. *The Naked City. Death and Life of Authentic Urban Spaces (Obnazhennyi gorod. Smert' i zhizn' autentichnykh gorodskikh prostranstv)* / Sh. Zukin ; [translated from English by A. Lazarev, N. Edelman]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019. 353 p. [in Russian].
 14. Kisin A. A. Transformation of urban public spaces under the influence of multimedia technologies (Transformatsiya gorodskikh obshchestvennykh prostranstv pod vliyaniem mul'timediynykh tekhnologiy) // *Contemporary World's Architecture (Sovremennaya arkhitektura mira)*. 2024. No. 2 (23). Pp. 127–142 [in Russian].
 15. *The Other Side of Information Revolutions (Obratnaya storona informatsionnykh revolyutsiy)* [Electronic resource] // “Zen” is a Russian blog platform for creating and viewing content “Psychology and History in School” («Dzen» — rossiyskaya blog-platforma dlya sozdaniya i prosmotra kontenta «Psikhologiya i istoriya v shkole»). URL: https://dzen.ru/a/YwltV_w1hLu6LR3 (accessed 09/17/2025) [in Russian].
 16. Rocheogova N. A., Barchugova E. V. Technologies, Society, Architecture — a View from Above (Tekhnologii, obshchestvo, arkhitektura — vzglyad

- sverkhu) // *Contemporary World's Architecture (Sovremennaya arkhitektura mira)*. 2024. No. 2 (23). Pp. 11–39 [in Russian].
17. Sennett R. *The Craftsman (Master)*. Moscow: Strelka Press, 2018. [in Russian].
 18. Sennett R. *The Fall of a Public Man (Padeniye publichnogo cheloveka)*. Moscow: Logos, 2002. 424 p. [in Russian].
 19. City Networks: People. Technologies. Authorities (Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti // *New Literary Review (Novoe Literaturnoe Obozrenie)* / Edited by E. G. Lapina-Kratasyuk, O. N. Zaporozhets, A. G. Vozyanova. Moscow: 2021. 576 p.: ill. (STUDIA URBANICA Series) [in Russian].
 20. Sidorov A. M. Paul Virilio: Body, Speed and Contemporary Art (Pol' Viril'o: telo, skorost' i sovremennoye iskusstvo) // *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin (Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina)*. 2012. Vol. 2, Issue 3. Pp. 137–144 [in Russian].
 21. Trufanova E. O. Private and public in digital space: blurring boundaries (Privatnoye i publichnoye v tsifrovom prostranstve: razmyvaniye granits) // *Galactica Media: Journal of Media Studies (Galactica Media: Zhurnal mediaissledovani)*. 2021. No. 1 [in Russian]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/cifrovoe-prostranstvo-privatnoe-publichnoe/04.12.2021> (accessed 17.09.2025).

Об авторах:

Барчугова Елена Викторовна — кандидат архитектуры, доцент, советник РААСН, профессор МАРХИ (каф. ИТАрх), филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, старший научный сотрудник лаборатории архитектурного формообразования. Область научных интересов — влияние мультимедийных технологий на городскую среду, особенности современных жилых и общественных объектов города. Член союза московских архитекторов.

Рочегова Наталия Александровна — кандидат архитектуры, доцент, советник РААСН, зав. каф. «ИТАрх» МАРХИ, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, старший научный сотрудник лаборатории архитектурного формообразования. Область научных интересов — роль цифровых технологий в профессиональной деятельности архитектора, их влияние на смену проектной парадигмы, вопросы методологии и образования. Член союза московских архитекторов.

About the authors:

Elena Barchugova — PhD in Architecture, Associate Professor, Professor of Moscow Institute of Architecture (State Academy), Senior Research of the branch of the Federal State Budget Institution “Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation” NIITIAG. Research interests — the impact of multimedia technologies on the urban environment, the features of modern residential and public facilities of the city.

Natalia Rochegova — PhD in Architecture, Associate Professor, RAACS councilor, Head of the Department «ITArch» of Moscow Institute of Architecture (State Academy) Moscow, Senior Research of the branch of the Federal State Budget Institution “Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation” NIITIAG. Research interests include the role of digital technologies in the professional activity of an architect, their impact on the change of the design paradigm, issues of methodology and education.